ОБЗОРЫ, СООБЩЕНИЯ, ЗАМЕТКИ

DOI: 10.48647/ICCA.2026.74.29.008

М.С. Михалев[1]

Национальная политика КНР. От саморефлексии к самоориентализму

M • S • 米哈廖夫[2]

中华人民共和国的民族政策：从自我反思到自我东方主义

Maxim S. Mikhalev[3]

China’s Ethnic Policy: From Self-Reflection to Self-Orientalism

Российский дебют китайского этнолога

Смены парадигм в науке, как правило, протекают медленно, и процесс полномасштабного переформатирования принципов этнополитики, интенсифицировавшийся в 2023 г. по инициативе Председателя КНР Си Цзиньпина [Михалев, 2024, с.52], в настоящее время медленно набирает обороты. Звонкие лозунги, возведенные в ранг основополагающих принципов в угоду меняющейся политической конъюнктуре, требуют глубокой экспертной проработки, что, однако, становится непростой задачей в условиях жесткого идеологического контроля и вызванного этим снижения общего уровня и интенсивности полемики в научной среде Китая. Неудивительно, что широко разрекламированное «укрепление сознания единства китайской нации»

[1] *Автор*: *Максим Сергеевич Михалев*, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра «Государство и религия в Азии», Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0001-5695-6915

[2] *马克西姆·谢尔盖耶维奇·米哈廖夫*，历史学科学博士，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所亚洲国家与宗教中心主任研究员。 ORCID：0000-0001-5695-6915。

[3] *Author: Maxim S. Mikhalev*, Dr.Sc. (History), Chief Researcher, Center for State and Religion in Asia, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS). ORCID: 0000-0001-5695-6915.

(铸牢中华民族共同体意识), о котором говорят уже много лет, все еще остается благим пожеланием, гнетущая бессодержательность которого компенсируется широкомасштабными усилиями по его продвижению сугубо административными мерами.

Все это не означает, что экспертное сообщество КНР не предпринимает усилий по наполнению политических деклараций руководства страны научным содержанием. Работа в этом направлении ведется. В стране постоянно проходят конференции по соответствующей проблематике[4], в ведущих научных и образовательных учреждениях уже несколько лет функционируют специальные лаборатории и исследовательские центры, в журналах публикуются многочисленные статьи и комментарии экспертов [Чэнь, Сюй, 2025; Го, Чжу, 2025], ведется разъяснительная работа. Количество с неизбежностью порождает качество, и проблески свежих идей кристаллизуются в виде если не полноценной «большой теории», то, по крайней мере, отдельных блоков той теории, что еще предстоит родиться в будущем.

В результате несмотря на то, что в 2025 г. никаких серьезных прорывов на этом направлении в Китае, по нашему мнению, не произошло, некоторые промежуточные выводы по поводу разворачивающейся на наших глазах смены теоретических основ этнополитики Китая сделать все же возможно. Навряд ли их можно будет назвать итогами, впрочем – скорее, это будут прогнозы по поводу того, что может произойти в ближайшие годы. В частности, пролить некоторый свет на происходящее в настоящий момент в Китае способна программная статья профессора Гуань Кая (关凯), вышедшая в русском переводе после его выступления на XVI Конгрессе антропологов и этнологов России, который прошел в июле 2025 г. в Перми. В ней нашли свое отражение многие итоги той дискуссии, что разворачивается в китайской экспертной среде, перед которой стоит задача подвести прочную научную базу под политические задачи, озвученные лидером государства.

Общеизвестно, что Центральный университет национальностей КНР (ЦУН), который иногда также называют Университетом Миньцзу, – это не просто ведущее учебное заведение в Китае для представителей малочисленных народов страны[5], но еще и основной экспертный центр, в недрах которого формулируются и обретают законченный вид основополагающие принципы политики КНР в сфере межнациональных отношений. В ЦУН работал великий китайский ученый Фэй Сяотун (费孝通), заложивший теоретические основы принципа «Единства в многообразии 多元一体»; здесь в свое время трудились лучшие этнографы страны во главе с профессором Линь Яохуа (林耀华), которые фактически с листа создавали этническую карту страны в том виде, какой мы ее знаем сейчас.

[4] 2025 年青海省铸牢中华民族共同体意识论坛在西宁召开 [В 2025 году в Синине открылась конференция провинции Цинхай, посвященная укреплению сознания единства китайской нации]. 11.05.2025. URL: https://www.chinanews.com.cn/gn/2025/11-05/10510589.shtml (дата обращения: 10.03.2026); 2025 年中国网络文明大会铸牢中华民族共同体意识分论坛在合肥举行 [В 2025 году в Хэфэе проходит конгресс интернет-культуры, посвященный укреплению сознания единства китайской нации]. 10.06.2025. URL: https://cn.chinadaily.com.cn/a/202506/10/WS68482ecba3102053770376db.html (дата обращения: 10.03.2026).

[5] В китайском контексте термин 少数民族 (шаошу миньцзу) охватывает все национальные группы КНР, кроме ханьцев, и не тождественен российскому правовому понятию «малочисленные народы» (*прим. ред.*)

Логично, что именно в ЦУН и был создана Школа сообщества китайской нации (中央民族大学中华民族共同体学院), перед которым была поставлена задача подвести солидную теоретическую основу под новые принципы этнополитики КНР. В 2023 г. его возглавлял выпускник Университета Миньцзу профессор Гуань Кай, затем занявший должность декана Школы этнологии и социологии этого университета. До этого в течение многих лет он работал Комитете по делам национальностей, а затем руководил Школой этнологии и социологии Юньнаньского университета, традиционной кузницы кадров в сфере этнополитики. Возвращение в альма-матер стало для него логическим продолжением многолетних изысканий в области теории и практики межнациональных отношений и позволило ему стать одним из ключевых теоретиков современной китайской этнологии. Выступление в Перми явилось важным промежуточным итогом его работы в сфере этнополитики – одно из первых в своем роде, предназначенное для внешней аудитории.

Состояние дел

Бросается в глаза, что в целом статья профессора Гуань Кая отличается выраженной критической направленностью, что в общем-то несвойственно современным китайским авторам, предпочитающим рассуждения о всесторонних успехах Китая на пути интеграции в окружающий его гармоничный мир. Прежде всего, под огонь его критики, и это, конечно же, никого не должно удивлять, попадает современная западная этнология. Автор беспристрастно, со знанием дела и при этом далеко не безосновательно обвиняет ее в кризисе тождественности и утрате гомогенности. Он обращает внимание на то, что свойственная ей болезненная саморефлексия и патологическое удовольствие от демонстративного, часто с надрывом, признания своей «вины», истинной и воображаемой, приводят к эрозии теоретических основ дисциплины, ее стагнации и, как итог, к неспособности реагировать на вызовы современности. За этим, как скептически подчеркивает маститый китайский ученый, однако, стоит не столько искреннее желание покаяться за грехи и огрехи империализма, сколько гипертрофированное чувство собственного превосходства. Демонстративное самобичевание – это всего лишь еще один, новый подвид интеллектуальной гегемонии, или, как довольно изящно называет это автор статьи, «антизападная западоцентричность – 反西方中心主义的西方主义» [Гуань Кай, 2025, с. 63].

В то же самое время, как он с грустью отмечает, современная китайская наука продолжает слепо следовать находящейся в таком тяжелом кризисе западной науке, хотя первоначально копирование чужих и чуждых идей и концепций воспринималось китайцами как вынужденная и при этом временная мера. Столкнувшись с необходимостью встраиваться в современность, которая настойчиво и бесцеремонно постучала в дверь патриархального Китая еще в начале XX в., интеллектуалы Поднебесной вынуждены были усердно учиться у «варваров» для того, чтобы не быть окончательно ими поверженными. Как напоминает по этому поводу Гуань Кай, в свое время «ценностная ориентация китайской этнологии была направлена на задачу адаптирования западной системы знаний для решения практических проблем китайского общества и содействия модернизации страны» [Гуань Кай, 2025, с. 61].

Сквозь скупые строки научной статьи там и тут проскальзывает горечь обиды за столетие, как это, очевидно, видится самому автору, «интеллектуального унижения» Китая. «Наша древняя страна с тысячелетней историей, лидер восточноазиатской цивилизации, в мгновение ока превратилась в ученика, смиренно внимающего наставлениям, повернувшись лицом к северу. Разве существует в Поднебесной позор больший, чем этот?» – цитирует он, к примеру, одного из активистов Движения 4 мая, философа и общественного деятеля Ху Ши (胡适). Обладавшие огромным опытом выстраивания гармонии сонма непохожих культур, в своем единстве составлявших их империю, китайцы в тот момент действительно вынуждены были принять новые правила игры. Самое страшное при этом, что в итоге им пришлось смириться с тем, что в новом мире Китаю для того, чтобы сохранить независимость, требовалось превратиться в «одно из» национальных государств и соответствовать критериям, не ими сформулированным и не ими же применяемым.

Китай, как подчеркивает в этой связи Гуань Кай, должен был в результате вместить все культурное многообразие внутреннего содержания в прокрустово ложе политического единообразия внешней формы для того, чтобы его восприняли как полноценного партнера в международных отношениях. Создать, иными словами, политическую нацию европейского образца взамен и за счет культурной общности иного типа, издревле существовавшей на его территории. Как отмечает по этому поводу китайский этнолог, «государственное строительство требовало подчинения культурного национализма всех субгрупп общему политическому национализму, что создавало напряженность между ним и внутренним многообразием культурного национализма» [Гуань Кай, 2025, с. 69]. В конечном итоге, напоминает он в тексте статьи, «универсальная “Поднебесная” превратилась в особенное государство, а Китай, лишившийся “Сына Неба”, в контексте современности оказался региональным “национальным государством”» [Гуань Кай, 2025, с. 66].

Гуань Кай не ограничивается критикой заимствований из западной науки, ставя под сомнение и интеллектуальную зависимость Китая от СССР. Действительно, на теоретическом базисе советской этнографической школы до сих пор строится в том числе и этнополитика страны. Она, в частности, сохраняет присущую той убежденность в реальности существования воображаемых общностей людей, выделяемых по культурным признакам, – так называемых этносов. Правительство КНР, как в свое время и СССР, наделяет территориальные административные единицы, значительную часть населения которых составляют представители того или иного этноса, политической автономией, в результате чего те приобретают элементы государственности. Автор именно советским влиянием объясняет свойственную современному китайскому управлению негибкость в данном вопросе. При этом ему, по-видимому, не известно, что часть современных российских этнологов уже давно призывают к деконструкции этноса как политической категории [Тишков, 2003] и предпочитают рассматривать его лишь как способ культурной самоидентификации.

Справедливости ради надо отметить, что более всего в нынешнем кризисе китайской этнологии Гуань Кай все-таки обвиняет именно своих соотечественников. Он отмечает, что, если в прошлом китайская этнология, будучи зависимой от иностранных веяний, довольно быстро росла и развивалась, пытаясь адаптировать иностран-

ные теории к местной специфике, то в настоящее время она не может похвастаться даже этим. Слепое же подражание зарубежным тенденциям, подчеркивает автор, не может помочь решить насущные проблемы, стоящие перед китайским обществом, то есть сделать то, чего требует от нее лидер страны. Вывод, а вместе с ним и диагноз, в этой ситуации предсказуем, и он ни на йоту не отличается от того, что говорил сам товарищ Си Цзиньпин. «Необходимо оптимизировать и скорректировать дисциплину, чтобы она действительно соответствовала требованиям новой эпохи, отвечала главным стратегическим задачам партии и государства» [Гуань Кай, 2025, с. 61]. Китайской этнологии, как разъясняет Гуань Кай, необходимо как можно скорее создать свою собственную теоретическую базу, перестав заимствовать идеи из-за рубежа, тем более что сами эти идеи уже давно себя скомпрометировали. «Сегодняшняя оптимизация и корректировка этнологии с акцентом на укрепление сознания общности китайской нации фактически подразумевает пересмотр ориентации на западные стандарты в производстве этнологических знаний», – делает вывод декан Школы этнологии и социологии ЦУН КНР [Гуань Кай, 2025, с.71]. Одновременно с этим он выражает надежду на то, что «современный Китай как “сложная цивилизационная система” может предложить альтернативный способ мышления, даже если китайские исследования еще не в полной мере раскрыли это» [Гуань Кай, 2025, с. 65–66].

Планы и амбиции

Прежде чем углубиться в детали и перейти к обозначению того, на каких принципах должно основываться новое мышление в сфере этнополитики, Гуань Кай дает понять, от чего в настоящий момент следует отказаться. В список анахронизмов, мешающих развитию китайской науки, по его мнению, попадают: «монологичность, усиление “исследований по отдельным национальностям”, эссенциализация классификации 56 национальностей, отсутствие исследований ханьцев и китайской нации, использование старых концептуальных инструментов для маскировки теоретической слабости» [Гуань Кай, 2025, с.74]. Критике при этом подвергаются те ученые, которые «механически применяя западные концепции, возводя мультикультурализм в абсолютный закон, а также усиливая “исследования по отдельным национальностям”, размывая концепцию китайской нации и даже косвенно поддерживая западную критику Китая по национальному вопросу, […] делают акцент на особенностях, различиях и досовременном характере этнических групп» [Гуань Кай, 2025, с. 74].

Признавая, что современная китайская наука может в настоящее время считаться производной от науки западной даже в большей степени, чем это было в начале прошлого века, во времена поиска собственного места в наступавшей современности, Гуань Кай приходит к несколько неожиданному выводу. Он утверждает, что лишь «культурные исследования и кросс-культурная перспектива являются эффективным инструментом для противостояния современности и ее кризисам, и только на этой основе можно создать автономную китайскую систему знаний, обеспечив будущее этнологии как дисциплины» [Гуань Кай, 2025, с. 77]. Акцент на культуре в противовес социальным группам, разновидностью которых являются этносы, он объясняет

обескураживающим образом. Дескать, субъективность нации, а стало быть, и национальностей, в современном мире резко усилилась, а объективность ослабла. Принадлежность человека к тому или иному народу более не определяется ни территорией проживания, ни языком, ни его ценностями или образом жизни, а является продуктом деятельности его сознания и по этой причине конструируема, манипулируема и ситуативна.

Можно понять желание ведущего специалиста в области этнополитики Китая обосновать наличие термина «сознание» в важнейшем политическом лозунге, под который ему требуется подвести прочную научную базу. Ведь если даже Председатель КНР говорит лишь об укреплении «чувства принадлежности» к нации и ее сознания, а не об укреплении самой нации, то как может оспорить этот тезис руководитель структурного подразделения ведущего университета Китая. Однако связи с этим возникает сразу несколько важных вопросов, на которые, по крайней мере, в тексте данной статьи сам автор ответа не дает. Если нации и народы это, с его точки зрения, вовсе не объективная реальность, то не является ли парадоксальным желание укреплять ощущение принадлежности к этому «миражу»? И, что намного важнее: не является ли столь радикальный конструктивизм очередной попыткой заскочить в вагон уходящего поезда западной теоретической мысли и вновь активно копировать ее, далеко уже не первой свежести, новинки?

Отнюдь нет, настаивает сам Гуань Кай, и в заключительной части своей статьи предпринимает попытку объяснить, где следует искать истоки его неожиданно радикального для китайской науки осознанного отрицания наций и национальностей и какова может быть конечная цель этого процесса. Поначалу, впрочем, непросто понять, в чем именно, по его мнению, заключается кардинальная реформа китайской этнологии и принципов формирования этнополитики. Читателю приходится продираться сквозь хорошо уже знакомые, но при этом ничего не значащие банальности, подобные этой: «…с учетом текущего состояния развития китайской этнологии и реальных условий страны, важнее проводить проблемно-ориентированные исследования. То есть, только исходя в большей степени из проблемно-ориентированного подхода и обнаруживая, обобщая закономерности в эмпирических фактах, можно создать новую теоретическую парадигму и сформировать автономную систему знаний и теоретический дискурс Китая, способствующие решению современных национальных проблем» [Гуань Кай, 2025, с. 80]. Следующие за этим призывы «развивать проблемно-ориентированные эмпирические исследования, изучать актуальные национальные вопросы Китая и мира, обобщать теорию из современной социальной практики Китая; придерживаться полевых исследований как основного метода этнологии» [Гуань Кай, 2025, с. 82] также не несут в себе ни новизны, ни конкретики.

Лишь в самом конце статьи действительно важные теоретические положения начинают, наконец, проступать сквозь нагромождение бесконечно повторяющихся, малозначимых слов, густо приправленных политическими лозунгами. Автор, в частности, поясняет, что в процессе смены парадигмы следует «раскрывать современную ценность выдающейся традиционной китайской культуры, черпать интеллектуальную пищу из тысячелетних традиций китайской цивилизации» [Гуань Кай, 2025, с. 82]. Призыв к современным ученым использовать философский и культурный ба-

гаж Китая быстро становится рефреном статьи и призывом к действию... И вдруг, незаметно и неожиданно, в самом ее конце он оказывается обращенным не внутрь, как этого можно было ожидать, а вовне – в тот обширный мир, который китайские мудрецы и называли Поднебесной. Она же, как известно, всегда была намного больше, чем собственно Китай. «Автономная система этнологических знаний, одновременно с ростом комплексной национальной мощи и международного статуса Китая, должна выходить на мировую арену, в процессе международного взаимодействия, диалога и интеграции знаний преодолевать границы государств, обществ и культур, и таким образом вносить вклад в формирование новой формы человеческой цивилизации, которая характеризуется общностью человеческой судьбы» [Гуань Кай, 2025, с. 82].

После призыва внедрять еще не созданные, никем не опробованные и вообще пока еще слабо вырисовывающиеся «китайские стандарты» в мировую этнологию совсем по-иному читается высказанное автором чуть ранее убеждение, что «китайские концепции “в Поднебесной нет чужих”, “единство неба и человека” и “гуманность” предлагают наилучший способ выхода из тупика монотеистического мышления» [Гуань Кай, 2025, с. 81]. Из того тупика, в котором, по его убеждению, оказалась мировая наука, ее, как можно теперь догадаться, призвана спасти китайская философская и политическая традиция.

«Транскультурность означает выход за пределы собственного “культурного водоема” и контакт с “водоемами” иных культур» [Гуань Кай, 2025, с. 79], – призывает Гуань Кай, одновременно с этим досадуя на чрезмерное, с его точки зрения, увлечение китайскими учеными западными теориями. Становится понятно, что этот парадокс не был логической ошибкой или оговоркой. Скорее, речь в этом случае идет о стремлении интернационализировать толком еще не созданную китайскую модель решения национального вопроса. «Люди эпохи глобализации уже образуют “сообщество единой судьбы человечества”, и только преодолев ограниченность собственной культуры и осуществив *взаимное* обучение цивилизаций, можно достичь взаимовыгодного сотрудничества» [Гуань Кай, 2025, с. 79], – призывает зарубежных коллег Гуань Кай учиться у Китая, не объясняя при этом, что именно, почему и каким образом они могут позаимствовать в его действительно глубокой и обширной, но при этом все еще малопонятной интеллектуальной традиции.

Готовы ли к тому, чтобы деконструировать свои собственные национальности в пользу чувства «принадлежности к нации» зарубежные ученые, в том числе и российские, к которым, собственно, и обращается автор в своей работе, вопрос, скорее, риторический и к теме настоящей статьи не относится. С большой долей уверенности можно утверждать лишь то, что китайские этнологи, вдохновленные успехом экспорта различных китайских товаров, до недавнего времени являвшихся копией иностранных, но предлагавшихся по более низкой цене, похоже, всерьез настроены на то, чтобы использовать эту схему и в том, что касается своих теоретических изысканий.

Мы же, в свою очередь, можем ожидать, что конечным результатом заявленной подобным образом смены парадигмы окажется слегка просроченный западный постмодернизм с его акцентом на идентичности и саморефлексии в ущерб фактам объективной реальности. При этом конструктивистский проект Китая, слепленный на-

спех на этой философской базе, обязательно будет снабжен ритуальными ссылками на его традиционные философские системы и управленческие практики для того, чтобы его было легче позиционировать на внешних рынках в ходе строительства «сообщества единой судьбы», которым в настоящее время грезит китайский политикум. Не зря же профессор Гуань Кай обмолвился о том, что китайская наука скатилась к «самоориентализму» [Гуань Кай, 2025, с.74].

Библиографический список

Гуань Кай. Исторический контекст формирования этнологических знаний в ценностях новой эпохи. XVI Конгресс антропологов и этнологов России. Материалы пленарного заседания. Пермь, 2–6 июля 2025 г. Ред.: А.В. Черных, М.С. Каменских. Пермь: Изд-во «Маматов», 2025. С. 60–84.

Михалев М.С. Этнонациональная политика КНР: эволюция базовых принципов. Российское китаеведение. 2024. №2(7). С. 42–58.

Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

References

Guan Kai (2025). Istoricheskiy kontekst formirovaniya etnologicheskikh znaniy v tsennostyakh novoy epokhi [Historical context of the formation of ethnological knowledge in the values of the new era]. In: Chernykh A.V., Kamenskikh M.S. (eds.). XVI Kongress antropologov i etnologov Rossii. Materialy plenarnogo zasedaniya. Perm, 2–6 iyulya 2025 g. [XVI Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia. Proceedings of the Plenary Session. Perm, July 2–6, 2025]. Perm: Mamatov Publishing House. P. 60–84. (In Russian).

Mikhalev M.S. (2024). Etnonatsional'naya politika KNR: evolyutsiya bazovykh printsipov [Ethnonational policy of the PRC: evolution of basic principles]. Rossiyskoye kitayevedeniye [Russian Sinology]. No. 2(7). P. 42–58. (In Russian).

Tishkov V.A. (2003). Rekviyem po etnosu. Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii [Requiem for an Ethnos. Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka Publishing House. 544 p. (In Russian).

* * *

Chen Diming, Xu Henghong 陈迪明, 许亨洪 (2025). Xin shidai gaoxiao zhulao Zhonghua minzu gongtongti yishi jiaoyu de youxiao lujing 新时代高校铸牢中华民族共同体意识教育的有效路径 [Effective pathways for strengthening the consciousness of the Chinese nation's community in higher education in the new era]. Journal of South-Central Minzu University (Humanities and Social Sciences Edition). Vol. 45. No. 3. P. 74–82. DOI: 10.19898/j.cnki.42-1704/C.20250610.02. (In Chinese).

Guo Mingfei, Zhu Yi 郭明飞, 朱毅 (2025). Yi hongse wenhua zhulao Zhonghua minzu gongtongti yishi: xueli yiju, xianshi jianshi he tisheng jinlu 以红色文化铸牢中华民族共同体意识：学理依据、现实检视和提升进路 [Strengthening the consciousness of the Chinese nation's community through red culture: theoretical basis, practical examination, and pathways for improvement]. Journal of South-Central Minzu University [Humanities and Social Sciences Edition]. Vol. 45. No. 4. P. 30–41. DOI: 10.19898/j.cnki.42-1704/C.20250409.04. (In Chinese).